

Командное отделение “Луны Капиталины” заполнили звуки сокрушительных ударов по потрескавшемуся стеклу саркофага принцепса и крики гневного кода. Мигающие изображения вспыхивали и безостановочно звенели, титан приготовился сражаться за свою жизнь. Грохочущие орудия требовали боеприпасов, пустотные генераторы пульсировали, накапливая энергию, бессмысленные запросы равнодушных оружейных сервиторов забили внутренний вокс.

И в центре всего находился принцепс Арно Лют.

Амниотический резервуар пенился от его конвульсий, в молочно-серой жидкости виднелась кровь, напоминая узоры на полированном мраморе. Безрукое и безногое изувеченное тело корчилось, словно рыба на крючке. Фантомные конечности, давно принесённые в жертву Омниссии, дёргались в муках, из аугмитеров саркофага раздавался немой крик ужаса.

Всё началось несколько секунд назад.

“Луна Капиталина” успешно зачистила внешние оборонные районы, распыляя их из турбозеролазеров и заливая обломки имитированным плазменным огнём. “Канис Ульфрика” завершил опустошение ракетными залпами, а “Амарок” и “Вилка” прочёсывали развалины, устраняя последние очаги сопротивления штормом огня из болтеров “Вулкан”.

Модератус Ростен приступил к процедурам после прекращения стрельбы, собираясь обесточить орудия, и в этот момент “Канис Ульфрика” попал в поле зрения “Капиталины”. Скамёльд приветствуя принцепса, поднял оружие, и все аварийные сирены пробудились к жизни.

Принцепс Лют закричал, словно его истерзанную плоть пронзил неистовый приступ эпилепсии. Яростная ответная реакция захлестнула панели управления, мгновенно убив Ростена. Пылающая вспышка превратила мозг несчастного в пар и сожгла изнутри. Магосу Гирдрид повезло больше, встроенный предохранитель прервал соединение с манифольдом прямо перед атакой, но такое внезапное отключение несло собственные опасности. Гирдрид корчилась на полу, из имплантатов текли чёрные жидкости, а маслянистое пенистое вещество сочилось из каждого машинного отверстия в её теле.

Коскинен также почувствовал симпатическую боль из-за припадка Люта, но в этот момент он не был подключён к манифольду. Он страдал от вида мучений принцепса и гибели напарника-модератуса. Коскинен бросился на свой пост, вскинув руки, защищаясь от потоков искр и шипящих выбросов пара, который бил из восстанавливающих давление трубопроводов. Он сел в контурное кресло, бегло просматривая поступающие данные. Окружающие гололиты кишели сигналами угрозы и предупреждениями о приближающихся врагах.

— Это бессмысленно, — произнёс он, смотря то на данные об угрозах на своих панелях, число которых росло с каждой секундой, то на разрушенный город, который они только что сравнивали с землёй. Лют кричал, беззвучный вопль на машинном языке всё же сумел передать нестерпимые муки принцепса.

Коскинен изучил тактический экран. Согласно увиденным данным легио окружали тысячи врагов, их атаковали чудовищные рои. Это был только фрагмент общей картины, но, не подключаясь снова к манифольду, не осталось никакой возможности понять, что титан видит или думал, что видит.

— Гирдрид! — завопил он. — Вставай! Ради Марса вставай! Ты нужна мне!

Благодаря его словам или просто совпадению Гирдрид решила привести себя в вертикальное положение. Она оглядывалась по сторонам, словно не могла обработать, что происходит вокруг. Едва она нетвёрдо встала на ноги, как палуба покачнулась и “Капиталина” неуверенно шагнула.

— Вопросительно: что во имя Бога Машины происходит?

— Ты не видишь? Всё катится в ад, вот что происходит! — прокричал Коскинен. — У Люта начался какой-то приступ и титан решил, что нас атакуют тысячи врагов.

— Ты подключён к манифольду?

— Нет. Я думаю... я думаю, что “Луна Капиталина” подчинила его...

— Тогда подключись и верни контроль, — огрызнулась Гирдрид, наклоняясь, чтобы заменить оплавленный кабель на посту управления на новый, который раскручиваясь из живота, напоминал намотанные кишки. Она работала невероятно быстро, восстанавливая связь с машинным сердцем титана, и распевая молитвы с каждым поворотом болта и сварки пальцем.

— Ты сошла с ума, Гирдрид, — сказал Коскинен, поворачиваясь в кресле и показывая на обгоревшие остатки поста модератуса напротив. — Посмотри, что случилось с Ростеном.

— Выполняй, — повторила Гирдрид, когда титан сделал очередной шаг, и завывания Люта стали ещё опаснее. — Установи связь, мы должны узнать, что происходит в сердце “Капиталины”.

— Я не стану подключаться. Это — самоубийство.

— Ты подключишься. Неважно, что привело к этому безумию, твоему принцепсу нужно, чтобы ты вытянул его из неприятностей.

Коскинен покачал головой.

Гирдрид оттянула рукав мантии и показала короткий ствол, который выдвинулся из металлической руки. Щёлкнула обойма и оружие загудело.

— Выполняй немедленно или я пристрелю тебя на месте.

— Ты спятила! — закричал Коскинен.

— Я считаю до трёх. Раз, два...

— Дерьмо, Гирдрид, — выругался Коскинен. — Хорошо я подключусь, только убери оружие.

— Мы подключимся вместе. Понял?

— Да понял, чтоб тебя.

Коскинен взвесил в руке коннектор манифольда, позолоченные соединительные стержни напоминали кинжалы, нацеленные в мозг. Обычно общение по манифольду было священным действием, проводить которое помогала целая армия техноаколитов, и использовалось множество масляных елеев и противовоспалительных гелей, но сейчас всё это оказалось так далеко насколько вообще возможно.

— Готов? — спросила Гирдрид, возвращая к ненавистой реальности.

— Готов.

— Подключайся, — приказала магос, Коскинен подчинился и почувствовал в затылке холодный укус позолоченных стержней коннектора. На него сразу же обрушилась волна неистового гнева и жара, спина изогнулась от шока. Кислотные данные струились по неврологическим венам, стимулируя всплеском боли каждое нервное окончание и закачивая полный набор агрессивных стимуляторов в сердечно-сосудистую систему. Коскинен взревел с животной яростью, почувствовав, как злобное сердце “Капиталины” вонзило когти в его разум.

Подключение по манифольдной связи модератуса с агрессивным духом титана давало только поверхностную связь, но и она почти подавляла.

Что же тогда происходило с принцепсом Лютом, если две души слились вместе во имя единственной военной цели?

Коскинен боролся с гневом, понимая, что он принадлежит не ему. Сработали эйдетические тренировки Титаникус, изолировав те части мозга, которые подверглись наибольшему воздействию, и он сосредоточился на восстановлении ситуационной осведомлённости. Потoki разноцветных данных сфокусировались, и на него хлынула полная информация от ауспиков. Шёпот ужаса сорвался с губ модератуса, когда он увидел орды приближающихся существ, миллионы показателей топографов превратились в размытую гомогенную массу.

— Бог Всех Машин, спаси нас... — прошептал он. — Их так много!

<Контролируй себя,> — раздался голос, прорезавшийся сквозь мыслительные процессы. Магос Гирдрид также подключилась к манифольду. <Всё это — нереально. Присмотрись!>

Коскинен собрался с духом и заставил себя ослабить тактильный захват на устройствах управления огнём плазменного деструктора, даже не осознавая, что активировал их. Электрические батареи орудия зарядились по собственной воле, но к счастью разрешение на выстрел всё ещё оставалось за модератусом. Он бегло просмотрел интерполированные данные топографов, и увидел, что “Владыку войны” окружает огромный рой существ. Враг действовал с ужасающей координацией и пугающей мгновенной реакцией.

И неожиданно Коскинен понял, на что смотрит.

— Это — Бета Фортанис... — произнёс он. — Почему он думает, что мы снова на Бета Фортанис?

<Неизвестно,> ответила Гирдрид. <Возможно, он страдает от последствий полёта в варпе. Принцепсы — боги среди людей, существа столь непостижимые и редкие, что на некоторых мирах-кузнях их заслуженно считаю бинарными святыми. И всё же у них смертный разум, разум, который столь же уязвим от перелёта в варпе, как и любой другой. Я полагаю, что принцепс Лют страдает эпизодической галлюцинацией памяти.>

— У него кошмар?

<Коротко говоря, да.>

— И как мы его разбудим?

<Никак. В конечном счёте, он сам пробудится из состояния фуги. Нам просто нужно минимизировать ущерб, который он нанесёт к тому времени.>

— Отлично, — сказал Коскинен, всматриваясь в вызывающие галлюцинации показания ауспиков, и чувствуя, как в животе поднимается едкая волна тошноты. — Я помню эту схему атаки... Бой Люта с тиранидами в Серном Каньоне! Сражение, где... о чёрт!

<Вот именно, сражение, где он убил био-титана ксеносов. А теперь отключи плазменные индукторы, быстрее.>

— Я пытаюсь, — проворчал он, используя все свои права для разрядки оружия. — Но чёртова “Капиталина” решила действовать по-своему.

Титан, покачиваясь, обошёл развалины, которые некогда были макетом башни с часами, где укрывались вражеские боевые расчёты с ракетными установками, пока “Амарок” не срезал верхние этажи из “Вулкана”. Среди ложных символов несуществующих роёв тиранидов Коскинен различил иконки паникующих “Псов войны”, бежавших в укрытие. Их возглавлял “Канис Ульффрика”, средний титан огибал разрушенные здания, и набирал скорость, пытаясь убраться с пути “Лупы Капиталины”.

Руку Коскинена окутал жар, и модератус вздрогнул, хотя и понимал, что боль иллюзорна.

— Плазменный деструктор активирован! — завопил он. — Я не могу отключить его!

<Отклони запросы на ведение огня,> велела Гирдрид.

Коскинен мельком взглянул на амниотический резервуар принцепса Люта, пойманная внутри жидкость оказалась взболтана, словно на дне илистого озера. Во тьме плавала фигура, мелькнуло худое лицо с зашитыми глазами, проступили закупоренные уши и рот с питающей трубкой. Ампутированные руки, из локтей которых тянулись серебряные провода, яростно били по стеклу, а вытянутая голова, обтянутая кошмарной пергаментной кожей, мазала прозрачные стенки кровью, и в замешательстве поворачивалась из стороны в сторону, видя только врагов.

Коскинен связался с саркофагом принцепса и произнёс настолько спокойно насколько смог. — Это — нереально, мой принцепс. То, что вы видите — нереально. Эта битва произошла год назад. Они ранили нас, да, но мы выжили. Мы победили этих ксено-ублюдков!

Чудовищная голова Люта повернулась в сторону модератуса, хотя принцепс никак не мог увидеть его. Коскинен понятия не имел, способен ли был Лют хотя бы услышать его, вспомнив хаос боя против тиранидов в узком каньоне. Они сражались вслепую посреди жёлтого пара, который поднимался из затопленных пещер, миллионы быстрых хитиновых монстров кишели вокруг, прыгали с возвышающихся утёсов или парили на потоках восходящего воздуха.

Лют скрылся из вида, исчезнув в вязкой жидкости.

— Он слишком далеко ушёл, Гирдрид, — сказал Коскинен. — Он собирается выстрелить.

<Перенаправь энергию с оружейных систем,> — ответила магос.

— Бесполезно, “Капиталина” забирает энергию у щитов, — ответил Коскинен, отклоняя запросы на открытие огня так быстро, как они появлялись на его панелях. С каждой секундой их количество росло, и модератус понимал, что было всего лишь вопросом времени, когда он не успеет и один прорвётся к плазменному деструктору. Он почувствовал растущий жар в руке, когда титан поднял могучее орудие. Коскинен сопротивлялся, отчаянно пытаясь не позволить руке-оружию двигаться, но против мощи древнего волчьего сердца “Капиталины” он был пылинкой против урагана.

<Не давай руке двигаться!> — закричала Гирдрид.

— Что, по-твоему, я изо всех сил пытаюсь сделать? — проворчал Коскинен, по лицу которого струился пот.

<Тогда пытайся сильнее, возможно это единственный шанс предотвратить беду.>

Коскинен посмотрел сквозь фонарь мостика, когда “Луна Капиталина” сделала очередной шаг, и на панели засветилось слишком много запросов, чтобы отклонить их все. “Канис Ульфрика” заслонял обзор, но система управления огнём звенела, сообщая об успешном захвате цели в голографической схеме, в которой Коскинен узнал Серный Каньон.

Био-титан тиранидов тогда едва не победил их в конце битвы.

— Омниссия, прости нас... — произнёс он, когда обжигающий жар поглотил его кулак. — Цель зафиксирована!

<Выруби приводы псевдомыщ.>

— Слишком поздно! — закричал Коскинен, и плазменный деструктор “Луны Капиталины” по собственной воле выпустил энергию звёздного сердца.

+Титан. Убит.+

“Железный кулак” ревя на полной мощности, мчался по горам щебня к титанам. Мало что уцелело после их военного марша, остались лишь жалкие и бесполезные измельчённые обломки. Дахан пытался понять, что происходит, но не сумел связаться с принцепсом “Луны Капиталины”. Ноги “Владыки войны” подогнулись, а правая рука поднималась в судорогах и спазмах, словно приводной механизм получил повреждения.

“Псы войны” Сириуса прятались за могучим титаном, рыская в замешательстве и предупреждающе трубя из военных рогов. “Разбойник” встретил “Владыку войны” лицом к лицу, ему было некуда бежать, а все укрытия они сами с полным усердием уничтожили во время тренировки. Корпус “Канис Ульфрика” искрился и скрипел, пока команда лихорадочно пыталась снова включить пустотные щиты, а визжащие волны помех образовали мерцающую радугу вокруг лобовой брони. Он поднял оружие, и вращавшиеся стволы роторного бластера раскручивались до огневой скорости.

Что овладело Сириусом, заставив их сражаться друг с другом?

Что могло привести в ярость две столь невероятно мощные военные машины?

Без свободного доступа к манифольду легио Дахан не мог напрямую общаться ни с одним принцепсом. Лучшее, что он мог сделать, направлять повторяющиеся запросы по общей командной сети. Его задний мозг непрерывно посылал поток требований легио отменить боевую готовность и одновременно секутор соединился с ноосферой “Сперанцы” и предупредил архимагоса о происходящем.

“Псы войны” заметили его и меньший из пары “Вилка” прекратила безумно метаться, активировала загрузчики боеприпасов и предупреждающе взывала. В каждой зашифрованной частичке кода содержалось недвусмысленное требование.

Не приближайтесь!

Дахан резко остановил “Железный кулак” перед “Псом войны”.

— Что легио делает? — произнёс он по воксу, надеясь, что кто-то, хоть кто-нибудь из Сириуса ответит ему. — Вы должны немедленно прекратить это безумие!

Не приближайтесь!

— Во имя любви Омниссии, отступите! — прокричал Дахан в голосовой, бинарной и ноосферной сферах. — Опустите оружие, прошу вас!

Горячая дымка перегретого света окутала руку “Луны Капиталины”, огневые отверстия плазменного деструктора завизжали, готовясь выпустить вулканические излишки тепла. Зная, что сейчас произойдёт, Дахан скрылся в “Железном кулаке” и захлопнул люк, надеясь, что этого окажется достаточно. Внутри Дахан изолировал “Железный кулак” от внешнего мира, отключив ауспик, вокс и пикт-устройства.

Он резко дал задний ход и даже несмотря на бронированный корпус и рёв двигателя Дахан услышал пронзительный выдох плазменного деструктора.

— Приготовиться, — произнёс он, отключив столько периферийных систем, сколько смог за микросекунду перед тем, как орудие титана достигло оптимальной температуры выстрела.

И удар грома измельчающей термической энергии врезался в БМП, мгновенно прожёл преломляющие поля и проплавил насквозь абляционную броню толщиной в ладонь. Внутренняя температура в отделении экипажа стала как в доменной печи и та немногая кожа, что ещё оставалась у Дахана, исчезла в мгновение ока.

Прежде чем он хотя бы успел почувствовать боль, кинетическая ударная волна разрядившегося плазменного деструктора оторвала “Железный кулак” от палубы и прихлопнула, как надоедливое насекомое.

Хокинс услышал вой огромного оружия титана перед выстрелом и бросился в укрытие в разрушенном здании. Рей и несколько солдат последовали его примеру, а остальные устремились под защиту бронетехники, груд обломков и вообще всего чего угодно, что могло оградить от обратной волны.

Имперских титанов с радостью встречали на любом поле боя, но вам не захочется оказаться рядом, когда они ведут огонь из плазменного оружия. Выпущенный жар пронесётся по земле на сотни метров во всех направлениях, и тепловая взрывная волна гарантирует любому застигнутому на открытом месте чертовски неприятный ожог. Он не хотел думать о том, что могло произойти в герметичной, насыщенной кислородом атмосфере космического корабля.

— Что во имя Ока происходит, капитан?! — закричал Рей.

— Будь я проклят, если знаю, — ответил Хокинс, рискнув выглянуть над разрушенной кирпичной кладкой здания. Маневрирующие титаны вздымали клубы пыли, мешая различить детали, но Хокинс заметил самый большой из них с растущей жгучей молнией в руке. Другой титан стоял спиной к нему, прилагая все усилия, чтобы не попасть на линию огня, но даже сравнительно проворный “Разбойник” не мог уклоняться от “Владыки войны” вечно.

— Что он делает? — прошептал Хокинс.

Протрубили военные рога, в них слышалась угроза, вызов и одновременно мольба.

Но чтобы не делал “Разбойник”, пытаясь умирить гнев большего титана, это не сработало.

— Зажмите уши и не высовывайтесь! — закричал Хокинс. — Сейчас начнётся!

Он отступил от трещины в стене и зажал ладонями уши. Прижал голову к коленям, выдохнул, и в этот момент колоссальное плазменное орудие выстрелило, заполнив учебный ангар оглушительным раскатом грома воспламенившегося воздуха. Температура резко повысилась, а вспышка отпечаталась на сетчатке Хокинса. Мгновенно поднялась кипящая волна раскалённого жара, промчавшись огненным пустынным ветром из пыли и обломков. Стены падали по всему разрушенному городу, не сумев устоять перед мощью взрывной отдачи в ограниченном пространстве.

Несмотря на собственные приказы Хокинс выгадал время, чтобы мельком взглянуть на огромный сине-белый разряд раскалённой плазмы, который пронёсся над ним. Слишком яркий, чтобы смотреть, он одновременно оказался ослепительно сияющим затмением и сверхновой звездой. За ним тянулся след расплавленного металла, плазма пронеслась сквозь весь тренировочный зал и врезалась в широкую переборку с огромным лицом-черепом.

Хокинс ожидал увидеть взрыв, но огромный перегретый плазменный разряд просто прошёл сквозь толстую переборку, словно её и не было. Капитан попытался сморгнуть болезненные неоновые остаточные изображения, но они никуда не исчезли, и он выругался на своё глупое

любопытство. Ветер поднял целую тучу веществ, которые вопящим облаком пронесли мимо, и стена закричала от невероятного удара сокрушительной тепловой волны.

— Бегите! — закричал Хокинс, вскочив на ноги, когда защитившее гвардейцев от взрыва здание задрожало, угрожая упасть и похоронить их заживо. Он и Рей пробирались наружу, и в этот момент здание обрушилось лавиной стали и камня. Один из обломков с такой силой врезался Хокинсу в плечо, что треснула кость. Он заворчал от боли, а беспорядочно падавшие куски стальной арматуры и блоков дождём лились на его людей. Необузданные тепловые вихри закружили облака удушливой пыли, и системы вентиляции заработали на полную мощь, пытаясь рассеять жар.

Хокинс перекатился в сторону, сжимая раненное плечо и выплёвывая полный рот забрызганной кровью пыли. В ушах шумело, а зрение ещё не вполне восстановилось, но он уже видел, что не всем его солдатам так повезло. Большинство покинули здание вовремя, но капитан заметил руки и ноги, которые высывались из-под обломков, и солдата, туловище которого засыпало камнями. Несколько пыльных и окровавленных кадианцев пытались вытащить его, хотя было очевидно, что несчастный мёртв.

Хокинс поднял здоровую руку и произнёс. — Помоги мне встать, Рей. И будь осторожнее, похоже, ключица сломана.

Почти неузнаваемый под налётом серого пепла и чёрной пыли лейтенант схватил руку и поднял его на ноги. Хокинс сдержал крик боли и вытер со лба кровь, пытаясь хоть как-то оценить ситуацию. Над головой вспыхивали сигнальные огни, гневно завывали аварийные сирены, медицинские бригады сервиторов покидали альковы. Раненые гвардейцы звали санитаров, пока “Химеры”, “Адские гончие” и “Леман Руссы” ревели, формируя защитный лагерь на дальней стороне развалин. Изумлённые гвардейцы бродили среди обломков, некоторые из них лишились рук или ног, у других виднелись ужасные ожоги, которые они, скорее всего, не переживут, ещё больше солдат страдали от опалённой до красноты кожи после теплового выброса плазменного орудия.

— Святой Бог-Император... — выдохнул Рей.

То немного, что оставалось от разрушенного города исчезло, сборные конструкции и составные блоки сгладила плазменная волна давления, расходившаяся из центра опустошения. “Лупа Капиталина” мерцала в искажающем мареве, окружённая облаками пара, рука-орудие выпускала перегретый воздух после плазменного выстрела. Военные рога триумфально трубили, но как раз в тот момент, когда Хокинс разглядел её возвышавшуюся фигуру сквозь дым и пыль, звук превратился в тоскливый вой. “Владыка войны” увидел учинённые им разрушения.

Перед большим боевым титаном стоял, шатаясь “Канис Ульфрика”, его правая рука и большая часть брони правого плеча просто исчезли. Из раны вырывалось пламя, и вываливались кабели, выплёвывая дуги молний. С большой медлительностью раненого гвардейца, который только что понял, что получил смертельное попадание в грудь, “Канис Ульфрика” упал на колени с громоподобным лязгом, который разнёсся по тренировочным залам. Не успел он

упасть, как из аугмитов всех членов Культа Механикус раздался стонущий вопль бинарного кода.

Несмотря на смерти и ранения солдат, Хокинс почувствовал, как от вида гибели столь могучей военной машины на глазах навернулись слёзы. “Псы войны” кружили вокруг павшего “Разбойника”, закинув головы и воя от первородной потери.

Какие бы разрушения не причинил плазменный разряд в тренировочных залах, они оказались ничем в сравнении с грядущими опустошениями. Дело было не только в насыщенной кислородом окружающей среде, но и в отсутствии атмосферы, в которой могла бы рассеяться высокая температура и ионизирующие электроны, поэтому горящая плазма сметала всё на своём пути, двигаясь вдоль “Сперанцы”. Она прожгла путь сквозь комплексы солнечных коллекторов правого борта, разбив миллионы тщательно отполированных зеркал и плавя поддерживающие стойки, изготовленные с наноскопической точностью. Бесчисленные хрупкие взрывы звучали так, словно стеклянное море разбивалось о стальной берег, отражённое тепло вскипятило плоть на костях сервиторов, всю жизнь посветивших поддержанию зеркал в безупречном состоянии.

Очередная переборка уступила с ужасающей непринуждённостью, надпалубные сооружения по всему отсеку провисли, и центральная стяжная балка сломалась под непомерной нагрузкой. В сводчатых залах за солнечными коллекторами огромные конденсаторы, создание которых давно было за пределами воспроизводственных возможностей Адептус Механикус, превратились в тысячи тонн металлолома, когда плазма прошла сквозь машины, грезившие о былых эпохах. Невосполнимая технология стала литым шлаком, и громовой электрический разряд вырвался из кричавшего в агонии смертельно раненого механизма. Каждая металлическая конструкция в пределах пятисот метров получила заряд в тысячи вольт и сотни корабельных сервов умерли, убитые прыгающими дугами красных молний.

Ангара́м с колоссальными землеройными машинами пришлось ненамного лучше, как и бульдозеру улья пятисот метров высотой. Взорвались топливные элементы, и сложное оборудование в центре технической палубы оказалось затоплено быстроиспаряющимся электроплазменным потоком. Колёса из твёрдой резины растаяли от жара и все до единой панели из прозрачной стали разлетелись вдребезги в термоплазменной вспышке. В средней части ковчега получил повреждения гигантский кран, способный перемещать космические корабли между строительными колыбелями, и вся верхняя секция рухнула на палубу, развалившись в полёте и нанеся непоправимый ущерб трём подъёмникам “Голиаф” и экскаватору типа “Прометей”.

А разрушительный плазменный разряд всё не останавливался.

Командную палубу озарял кроваво-красный свет сирен, доклады о повреждениях и вспыхивавшие аварийные подпрограммы. “Сперанца” содрогалась всем корпусом, и архимагос Котов чувствовал её боль благодаря связи с огромным духом-машиной. Архимагоса обвивали потрескивающие дуги энергии, заземляясь в микроскопических гасителях кибернетического тела, пока он старался сохранить контроль над ковчегом.

Его старшие магосы подключились к своим постам, передавая результаты катастрофического происшествия на учебной палубе. Составные руки магоса Сайиксека танцевали над инженерными пультами, перенаправляя энергию для двигателя с пути разряда, в то время как магос Азурамаджелли отмечал потенциальные точки выхода для экстренного прыжка из варпа. Магос Блейлок координировал аварийные службы судна, пока Криптаэстрекс управлял ремонтно-восстановительными работами.

Ни одна из новостей не была хорошей.

— Что-нибудь от Дахана? — спросил Котов, зная ответ.

— Никак нет, архимагос, — сказал Криптаэстрекс. — Его инфоток отключён. Вероятно, секутор мёртв.

Поступившая от Дахана на мостик информация была неполной, а последовавшие запросы о разъяснении остались без ответа. Обрывочные данные, которые магосу-секутору удалось выгрузить, пока действовала связь, позволяли сделать вывод, что один из титанов легио Сириус выстрелил в другого, но причина произошедшего оставалась неясной.

Предательство? Гниль предательства и порчи коснулась титана Сириуса, как легио Серпентес на Ураниборге-1572? Котов вздрогнул от этой мысли и “Сперанца” застонала, почувствовав его страх. Неужели Омниссия навечно проклял его и обрёл на страдания? Неужели крестовый поход в неизвестное оказался недостаточной епитимьей, чтобы вернуть безграничное благоволение и бинарную славу?

— Солнечные коллекторы правого борта уничтожены, — произнёс Таркис Блейлок, вернув его внимание. Если Котов был соединён с манифольдом судна, то Блейлок не последовал его примеру. Подключение двух старших магосов во время подобной катастрофы не соответствовало процедуре, но Котов отчаянно нуждался в статистических знаниях Блейлока в координировании аварийно-спасательных служб “Сперанцы”.

Если Котов не мог использовать Блейлока, то он мог обратиться к лучшему из остальных. Архимагос направил по ноосфере серию кодовых частот и протоколов званий Линье Тихон вместе с указаниями, что от неё требуется. Она ответила почти немедленно, уже зная об опасности, которая стояла перед “Сперанцей”. Загрузочные/выгрузочные умения Линью присоединились к усилиям архимагоса, облегчив бремя обработки запросов судна. Её примеру последовали и остальные.

По всему ковчегу каждый магос, способный подключиться к манифольду, помогал облегчить боль раненого корабля. По всем палубам разносились бинарные молитвы и гимны машинного кода, которые эхом отзывались от носа до кормы, пока Культ Механикус направлял свою логическую волю на восстановление чистоты функциональности.

— Поле Геллера держится? — спросил Котов, направив частичку внимания к управлению мостиком.

— Держится, — ответил Азурамаджелли. — Щитовые генераторы расположены на носу, но с отключёнными конденсаторами их непрерывная работа израсходует наши запасы гораздо быстрее.

— Вы вычислили точку выхода?

— Работаем, — ответил Азурамаджелли сумев передать раздражение даже несмотря на невыразительные мозговые колбы.

— Строительный двигатель Вирастюк сообщает о снижении функциональности на девяносто процентов, — сообщил магос Криптаэстрекс, его громкий голос звучал, как у матери, говорившей о мёртвых детях. — Подъёмник Нуммистро уничтожен. Механизмы Паундстоун и Торсен также повреждены. Очень сильно.

— Где сейчас плазменный огонь? — потребовал ответа Котов. — Как далеко он прогорел?

— В кормовой части, прожигает транспортные палубы, — отозвался Блейлок. — Поля целостности не выдержали, и потеря атмосферы помогла уменьшить энергию плазмы на 102 градуса по Кельвину, хотя тесла сила разряда не изменилась. Тридцать два процента наших десантных кораблей выбросило в варп вместе с сорока пятью процентами бронетехники Гвардии.

Криптаэстрекс заворчал, его составные руки и широкое тело вздрогнули от досады.

— Каданцам это не понравится, — произнёс он.

— Если мы не сможем затушить пламя, то их неудовольствие станет наименьшей из наших проблем, — сказал Котов. — Когда всё закончится, я построю им новую технику на носовых мануфактурах. Так что с защитными дверями?

— Противовзрывные щиты подняты между отсеками Z-3 Третий Лямбда и X-4 Ро, — ответил Блейлок, считывая данные ремонтно-восстановительных работ из ноосферной пелены света. — С вероятностью восемьдесят три целых семь десятых процента они не остановят разряд, и он достигнет главной плазменной камеры сгорания.

— Но они хотя бы ослабят его?

— В некоторой мере, да, — согласился Блейлок. — Но принимая во внимание благоприятные условия для плазмы на борту судна, не остановят.

— Выкачайте воздух за ними, — предложил Азурамаджелли. — Это единственный способ.

— Нет, — возразил Сайиксек. — Там расположены рабочие хабы технических палуб. Мне необходимы крепостные, чтобы сохранять эффективную работу двигателя. Полученное отклонение значительно затруднит нашу миссию.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657146>